

Когда в метро «Площадь Александра Невского» читаешь что-то вроде «Эдука-центр», то «Вижен сервис» начинает казаться брильянтом, кои адмирал Шишков именовал сверкальцами. Эдука!..

Но разве в России так не было с первых дней Петровых? Еще в начале прошлого века парикмахер Пупкин покрикивал на подмастерьев: «Эй, малшик, шипси! Да шевелись, дьявол!» Лакей, знавший пяток ломаных французских слов, притворялся парижанином, а аристократ, изъяснявшийся не хуже парижанина, гордился российской родовитостью. Пушкин носил в лице кличку Француз и наполнил свой прославленный словарь как чужеземными, так и истинно русскими выражениями, вплоть до матерных. И неизменно демонстрировал, что и соленое словцо хорошо на своем месте. Что хорошо в казарме, неуместно в салоне, что хорошо в окопе, нелепо на семинаре. А смешение всего в одной кастрюле есть не обогащение, но обеднение языка: слова утрачивают краски породившей их среды: матросской, шоферской, научной, купеческой....

Язык вырождается не может, вырождаются только люди. Дай душевно развитому человеку самый примитивный словарь, и он из него сделает роскошный язык, превращая буквальные выражения в иносказательные, создавая новые словосочетания и проч. И дай какому-нибудь нынешнему лицеисту не из самых умных хотя бы тот же пушкинский словарь — и он извлечет из него десяток существительных, пару глаголов, да так и поселится среди великолепного дворца в шалаше из блин, как бы, в кайф, фишка, прикольно...

Но случись всемирный потоп, после которого уцелеет лишь обиженная Богом и языком парочка новых Адама и Евы, — и через тысячу лет их убогий сленг превратится в высокий язык, на котором будут писать гениальные стихи: высокие чувства наполнят убогие слова высоким смыслом и тем самым превратят их тоже в сколь угодно высокие.

Любое новое слово, новое выражение только обогащает язык — если в публичную, литературную, «высокую» речь они проникают лишь через фильтр культурной аристократии, которая метит их или одобрением, или насмешкой, или брезгливостью, или штампом «ограниченно годен для узкопрофессионального использования», всегда отчетливо различая в словах образ мыслей и чувствований породившей их социальной группы и ее функции: канцелярские, военные, извозчищи, церковные, научные, уголовные...

И главная опасность сегодняшнего языкового разгула не в нем самом, а в отсутствии аристократической инстанции вкуса, которая бы ставила языковые новообразования да и старообразования на должное место. Без этой сортировки слова и обороты, вполне уместные в языке программистов, моряков, пожарных, врачей, лакеев, уголовников, грузчиков, утрачивают стилистическое воспоминание о породившей их среде, тогда как именно в порождаемых ими ассоциациях с предками и заключается едва ли не главная их ценность. Именно поэтому к широкому проникновению мата в литературу я отношусь точно так же, как к инфляции — как к массовому выпуску ассигнаций, не обеспеченных золотом: их ценность быстро падает до нуля, и выигрывает только тот, кто пускает их в ход первым. Сильные выражения лишь до тех пор и остаются сильными, пока их употребляют в исключительных ситуациях, когда они воспринимаются выплеском страсти, не сумевшей удержаться в социальных берегах. Но если исчезнут сами берега, исчезнет норма, то исчезнет и ощущение ее нарушения.

А заодно и роскошная культура намеков, иносказаний, шуток — тонкости и ухищрения ни к чему там, где все можно сказать прямо.

Иными словами, примитивизация языка лишь следствие примитивизации общества, следствие неспособности культурной элиты выполнять свою извечную обязанность — отделять высокое от низкого, остроумное от вульгарного, утонченное от хамского. Перемешиванию «культурных» и «некультурных» слов всегда предшествует перемешивание культурных и некультурных слоев. А потому лечение языка нужно начинать с лечения общества. С возрождения национальной аристократии, то есть общественного слоя, одновременно культурного и влиятельного.

Культурных людей у нас вполне достаточно, однако они не составляют никакой организованной социальной силы. Так не объединиться ли им в Аристократическую партию? И тогда в борьбе за язык им очень пригодится знание анатомии слов, так интересно разобранных в «Русском тезаурусе» известного культуролога Владимира Елистратова.

Александр МЕЛИХОВ

Владимир ЕЛИСТРАТОВ

НЕОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Тезаурус — значит сокровищница. В русском языке есть «слова-сокровища», то есть главные слова, «слова-архетипы», «слова-архиконцепты».

Слова, они — как люди. Болеют, выздоравливают, опять болеют, снова выздоравливают, некоторые умирают. Это, конечно, метафора, а никакой не «биологический детерминизм».

Владимир Станиславович Елистратов родился в Москве в 1965 году. Окончил филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова в 1987 году. Защитил кандидатскую диссертацию по филологии в 1993 году, докторскую диссертацию по культурологии в 1997-м. Заслуженный профессор МГУ. Преполагает риторику, семиотику, историю литературы, современный русский язык, культуру речи, лексикографию. Лауреат премии имени Шувалова I степени. Автор книг «Арго и культура» (1995), «Трактат рго таракана» (1996), «Словарь русского арго» (1994, 2000), «Язык старой Москвы» (1997, 2004), «Словарь крылатых фраз российского кино» (1999, 2010), «Словарь языка Василия Шукшина» (2001), «Толковый словарь русского сленга» (2010), «Нейминг: искусство называть» (2013, совм. с П. А. Пименовым), «Словарь жаргона русского капитализма начала XXI века» (2013) и др. Автор более 700 публикаций. Работы переведены на немецкий, венгерский, болгарский, английский языки. Переводчик, поэт, прозаик, эссеист, публицист. Автор сборника юмористических рассказов «Тю! или рассказы российского туриста» (2008), поэтических сборников «Московский Водолей» (2002), «По эту сторону Стикса» (2005), «Духи мест» (2007). Печтается в журналах «Знамя», «Октябрь», «Нева», «Поляна», «Дружба народов», «Наука и жизнь», «АиФ — путешествия», «Аэрофлот» и др., постоянный автор газеты «Моя семья». Живет в Москве.

И можно, выходит дело, заниматься *диагностикой заболевших слов*. Это нормально. Хотя «выписывать рецепты» гораздо сложнее, чем «диагностировать».

Мне бы хотелось предложить вашему вниманию серию коротких эссе о таких словах, которые мы с коллегами-лингвистами несколько лет назад «диагностировали» в рамках одного очень-очень солидного лингвистического проекта.

Кончено, эссе эти выполнены мною в несколько облегченном популяризованном варианте. Не только и не столько для лингвистов, сколько для всех людей, интересующихся судьбой родного языка. Тема-то, согласитесь, более чем серьезная.

Ведь мы говорим о Главных Словах нашего языка. Без которых у нас нет будущего. Что такое «лечение» слов?

Лечатся, конечно, не сами слова, а люди, которые их употребляют. «Отче наш» лингвистов — это констатация того факта, что «язык» и «речь» — это разные субстанции. Язык — это система. Речь — реализация системы, болеет не язык, а речь людей, которые языком пользуются. Для сравнения: есть математика с ее незыблемым знанием, а есть ошибки в исчислении. Причем массовые. Так же и с языком — речью.

Предлагаемые вашему вниманию эссе, например, в адаптированном для детей виде давались школьникам как тренировочные тексты к ЕГЭ. Реакция была прекрасная. Дети явно полюбили эти слова. Увидели их как бы заново, открыли для себя вновь.

Далее начинается «игра в языковую политику». Удастся нам внедрить эти «диагностированные» слова в общегосударственный обиход — хорошо, нет — плохо.

Список слов:

АРТЕЛЬ

БЛАГО, БОГ и БОГАТСТВО, БОЛЕЗНЬ

ВЕРА, ВЛАСТЬ, ВОЛЯ, ВРАГ

АРТЕЛЬ

Артель, которой более тысячи лет и которая до появления этого слова в русском языке называлась на Руси *ватагой*, — одна из древнейших форм русской общественно-экономической самоорганизации. Артели могли быть самые разные. Охотничьи, ремесленные, рыболовные и т. д. В принципе артель отличается от других объединений своими конкретными хозяйственными, экономическими целями. Основные условия создания артели: добровольность, взаимодоверие, равноправие и круговая порука.

Интересно, что Запад практически не знал института артели. Аналоги нашей «ватаги-артели» начинают возникать на Западе только в последние десятилетия.

Артель — это своего рода минимальная единица анархической (в исконном, платоновском смысле этого слова) экономики. Так сказать, антитеза «картеля». И вообще любой цеховой «корпоративности».

Это самоорганизация самая что ни на есть «демократическая». Любой может войти в артель и выйти из нее. Любой может избирать главу артели и быть избранным: «рядником», «усердником», «артельщиком», «кормщиком» и т. д.

Артель — это союз по «благодати» (на доверии, на честном слове), а не по «закону» (праву, юриспруденции). Политико-административный аналог артели — совет. Не случайно эти два слова взяли на вооружение большевики.

Артель и *совет*, а также отчасти в значительной степени крестьянская *община* — основные русские антиглобалистские институты, которые необходимо всячески развивать. В сакральной сфере «артели-общине-совету» соответствует «собор», «соборность». Артель в промышленности, община в сельском хозяйстве, совет в общественной жизни, собор в религии. И их полная взаимозаменяемость при необходимости. «Соборная артель». «Общинный совет». И т. д.

Этимология слова «артель», по всей видимости, уже никогда не будет выяснена до конца. Но при всей своей замутненности она очень показательна. Этимологи уже давно спорят об этом слове. И символично, что это глубоко евразийское слово как раз интерпретируется либо «по-европейски», либо «по-азиатски».

По одной версии, «артель» восходит к итальянскому «artiere» — ремесленник — и, следовательно, к латинскому «ars» — искусство. По другой — к тюркскому корню «orta» («urta»), который концентрирует в себе идеи «общий», «середина», «пополам», «товарищ», «участвовать», «пай» и т. п. Официально фиксируется слово «артель» в русском языке с XVII века.

Как оно могло попасть к нам из итальянского? Вполне возможно, через итальянских зодчих и других ремесленников, которых выписывали цари и императоры.

Как оно могло прийти из тюркских языков? Легко. Ватаги-артели всегда были интернациональными. Откуда взялись тюркские «айда», «амбар» и т. п.? Отсюда же и «артель».

Так или иначе, уже из русского языка слово стало заимствоваться и на Западе, и на Востоке. В польском, чешском или болгарском оно является русизмом. А многочисленные евразийские тюрки (и не только) заимствовали «артель» из русского вторично. Оно присутствует практически во всех языках России и бывшего СССР. Чукчи охотятся за тюленями по артельному принципу, по этому же принципу разводят лошадей калмыки. Только на Евразийском субконтиненте, то есть в России, могла быть создана артель, объединяющая в себе такие концепты, как «вера» («доверие»), «воля» и «добро» (свобода объединения, «добровольность»), «мастерство», «искусство» («ars»), «равенство» и «право», «правота» («равноправие»).

Артель — это своего рода матрица самоорганизации людей, свободная от социально-экономических и юридических сиюминутных условностей, «патриц» средневекового цеха или современного офисно-корпоративного объединения.

Артель — чистый архетип, форма объединения будущего. Нечто «артельное» («ватажное») намечается, «мерцает» в социальных сетях и в Интернете в целом.

А Россия пришла к артели более тысячи лет назад: на своих степных, лесостепных и лесных «интернет-пространствах». Идея артели всегда была жива в России, хотя периодически подавлялась. Она была настолько сильна, что идеи артельности-ватажности мы умильно приписывали даже любимым западным персонажам (например, мушкетерам Дюма с их «Один за всех и все за одного»).

Пора наконец все расставить по местам. Артель — чисто российский концепт, который может и должен принадлежать мировому сообществу. Это такое же русское изобретение, как ракета или периодическая таблица химических элементов Д. И. Менделеева. Только созданная не отдельной личностью, а коллективно всеми народами России.

То есть опять же — артельно.

БЛАГО

Этимология этого слова не проста. И есть в ней все-таки некоторая мистика. Судите сами. Исконно это слово в самых различных индоевропейских языках, вероятно, было связано с такими значениями, как сверкать, блеснуть, сиять. То есть с идеей света. Есть распространенное мнение, что исходное этимологическое ядро включало в себя идею белого цвета.

Так что можно сказать, что «благо» — это «белый свет». А по-русски «белый свет» — это весь мир.

Интересно, что в русских диалектах слово «благой» может быть как «хорошим», так и «плохим». С одной стороны, «благой» — это полезный, хороший, добрый, счастливый, доблестный, богатый и т. п. А с другой — слабый, плохой, пустой и проч. То есть «благо» включает в себя все, что есть в мире. Все его «плюсы» и «минусы». «Чуден, право, белый свет. И каких чудес в нем нет!»

История эволюции этого корня в русском языке — это история постепенного вытеснения «плохого блага» «хорошим». Произошла совершенно фольклорная победа добра над злом. Как в сказке.

В современном русском литературном языке все отрицательные значения вытеснены во фразеологизм «благим матом» (кричать, вопить, орать). В русском языке есть сейчас два омонима. «Благой¹» в значении «хороший» и «благой²», у которого нет своего значения и который употребляется только в составе фразеологизма. А еще сохранились просторечно-разговорные слова «блажь», «блажить» и «блажной».

И это вполне закономерно, поскольку «благой» — церковнославянизм (ср. русское «бологой», откуда название города Бологое). А церковнославянизмы всегда были стилистически и по смыслу словами возвышенными. Отсюда — колоссальное количество слов с этим корнем: «благосостояние», «благотворительность», «благословение», «благотворный», «благоверный» и т. д. и т. п. Не говоря уже об устаревших словах полутысячелетней давности, типа «благосеннолиственный» (о дереве, у которого листья дает хорошую (благую) тень (сень)).

Показательна и мощная грамматическая, синтаксическая «востребованность» корня: он выступает и как предлог («благодаря»), и как союз («благо», «благодаря тому что»). Если знаменательный корень выходит в сферу служебных частей речи — это говорит о его глубокой укорененности в языковом сознании. Это значит, что он — некая «несущая ментальная конструкция».

Корень «благо», при всей своей «солидной» этимологии и церковнославянской «священности» («благовест»), тем не менее невероятно «современный» корень. Дело в том, что он «мирно» нейтрализует в себе идеальное и материальное, духовное и прагматическое, причем без всякого ущерба тому или другому смысловому «полюсу».

Корень «благ» — это и «благоговеть перед гением» и «материальные блага», и «благоволение» и «благополучие», и «благоразумие» и «отблагодарить тринадцатой зарплатой». Достаток (благополучие), удобство (благоустройство), разумность (благоразумие), душевная отзывчивость, открытость (благодарность), красота (благовидность), гармоничность (благозвучие) и т. д. — все эти качества мирно сосуществуют в этом корне.

В этом смысле слово «благо» — словно бы модель идеального устройства мира, счастливого «белого света». Оно — воплощение извечной мечты человечества о гармонии и справедливости.

БОГ и БОГАТСТВО

Ясно, что «Бог» («божество», «божественный» и т. д.) и «богатство» («богатый», «разбогатеть» и т. д.) в русском языке этимологически родственные, по сути — однокоренные слова.

Очень трудно сказать, какое из них «первично». Значительная часть исследователей считает, что слово «Бог» в славянских языках (в общеславянском) первоначально означало именно «наделенный богатством». Отсюда упоминание этого корня в сочетании с именами языческих богов («Дажь-бог» и пр.).

Бог исконно мыслится как активное, динамическое начало, как та сила, которая «дает», «наделяет», «раздает», «распределяет». Это очень важно: «Бог» в индоевропейском корне *bhag* — это по сути глагол, действие, «акт» («наделять», «раздавать»), восходящий, в свою очередь, к древнеиндийскому сакральному звукосочетанию *bha* — «придыхательному выдоху», символизирующему сотворение Бытия.

Здесь произошло удивительное совпадение с библейским «В начале было Слово (=глагол!), и это Слово было Бог».

«Бог» — это мистический «Первовыдох» (ср. еврейское «Роах Элохим» — «Дуновение Бога», соответствующее греческому «Логос» в Евангелии от Иоанна), «Глагол» («Слово») и «Наделение» («обогащение мира»). Бог — это Мысль, Слово и Дело в одном лице.

Считается, что в славянские языки этот корень попал через иранские языки (скифские, сарматские и др.), как иранское *bagā* («*baγa*») со значениями «бог», «господин», «участь», «судьба». В индийском *bhaga* было осмыслено как «счастье», «благосостояние». В греческом (*bagos*) — как «ломоть» (хлеба), «владыка», «царь».

Иначе говоря, во всех индоевропейских «исполнениях» этого корня Бог — это активное первоначало Бытия, которое наделяет — судьбой, счастьем, благосостоянием, властью, пищей...

В русском языке словообразовательное гнездо корня «бог» феноменально «богатое», вплоть до слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами («боженьята», «боженька» и др.), что практически не имеет аналогов в других языках, разве что в латиноамериканских вариантах испанского («*diosito mio*» — «боженька мой»).

У русских «Бог» — чрезвычайно интимная тема. Русский человек, если внимательно проанализировать русский словесный материал с этим корнем, словно бы состоит в близких, даже отчасти «панибратских» отношениях с Ним: «Бог не Тимошка, видит немножко», «взять Бога за бороду» (а то и еще за что-нибудь...) и т. п. Практически никакой метафизической дистанции! «Русский бог добр».

Это качество необходимо, на наш взгляд, всячески культивировать, пропагандируя соответствующую идиоматику (см., например, у Даля) и фольклор. При этом надо иметь в виду, что богохульство на Руси (то есть непосредственное ругательство в адрес Бога), по сравнению с западным карнавалом, было практически неведомо. Русская культура, можно сказать, не знает богохульства. Оно ей всегда было чуждо и остается чуждым.

Идея же «богатства» как «обилия материальных ценностей, денег» (С. Ожегов) в русском языковом материале находит весьма скромную поддержку. Идею материального богатства русские предпочитают выражать иначе, по сути — эвфемически, через корень «добр» («И стали они жить-поживать да добра наживать»).

«Богатый» (в значении зажиточный), «богатеть», «богач», «богатеи», «обогащать» и т. д. — всю эту «материальную тему» никак нельзя назвать однозначно положи-

тельной. Это — слова «с душком». Иначе говоря — оценочно амбивалентные слова. В отличие, например, от китайского соответствующего концепта «фу», который сто процентно положительно окрашен. Так же, как и в языковых культурах, где доминирует протестантская этика, поскольку богатство там — прямое свидетельство «любви Бога» к его (богатства) обладателю.

В современном русском языке по-прежнему отчетлив рефлекс православного отношения к богатству. Богатство как деньги и имущество — двусмысленно. «Богатый» же в значении обильный, содержащий в себе много ценного, ценных качеств («богатый урожай», «богатая коллекция книг», «богатый голос» и т. п.) в русском языке — позитивное семантическое поле, «обогащенное» к тому же различной идиоматикой («Русский солдат правдой богат» и т. п.).

На наш взгляд, язык в данном случае идет по классическому пути «смысловой саморегуляции». Язык «не спешит», он мудр и консервативен. Слово «богатый» как обладающий большими средствами, зажиточный, пока еще, при всем прагматизме нашего времени, не стало «китайско-протестантским». Наши статистические исследования говорят о том, что не более 10 % молодых людей (от 18 до 23 лет) считают, что «материальное богатство» «определяет» смысл дальнейшей жизни.

БОЛЕЗНЬ

Корень «боль» тысячу лет назад в древнерусском языке означал «больной», несколько позже стал означать «болезнь». Само же слово «болезнь» появилось еще позже. Точная дата его появления неизвестна, но слово это относительно молодое.

Можно сказать, что развитию слова «болезнь» «тон» задали сначала медики, а потом, уже в XIX веке, а особенно — в XX — политики, социологи, экономисты.

Наши далекие предки, ничего не знавшие о медицине, говорили «хворь», «хвороба», «недуг», «болеть», «боля». Насчет болезни они выражались вроде бы общо, но вместе с тем метко: «Болезнь и поросенка не красит», «Не всякая болезнь к смерти» и т. п.

«Боль» и «болезнь» всегда мыслились и как физическое нездоровье, и как нравственный недуг, и как некая беда, напасть («В нашей волости лихие болести» — беды, например, неурожай, падеж скота).

Если рассматривать древнейшую этимологию этого корня, то мы увидим, что в целом «боль» («bal», «bol», «bel») в индоевропейских языках есть по сути синоним зла. «Боль» — это бедствие, пагуба, злость, несчастье, мучение, ехидство, гибель, уничтожение, вред. И все это касается и человеческого тела, и человеческой души, и общества, и природы, и мира в целом.

Слова «боль», «болеть», «болезнь» — очень синтетические (вернее, синкретические, то есть выступающие в первоначальном, исконном единстве, неразрывной связи) и мудрые. Они говорят нам о теснейшей взаимосвязи физического и духовного, личного и общественного, единичного и общего, «микрокосма» и «макркосма». А еще, как это ни странно, слова эти очень оптимистичны. Ведь болезни лечатся: «Не всякая болезнь к смерти».

В XIX веке в моде были естественные науки, прежде всего — биология, физиология, затем — психология, и люди стали говорить о физических болезнях и нашли их тысячи и тысячи. И были найдены тысячи и тысячи способов излечить болезни. Но почему-то чем успешнее лечились болезни, тем больше их возникало.

И тогда же, в XIX веке, особенно во второй его половине, стали активно развиваться социальные науки. И люди активно заговорили о социально-экономических

болезнях, которые необходимо лечить. Но лечить их оказалось очень трудно, пожалуй, еще труднее, чем физические.

И на протяжении всей истории человечества настойчиво звучала мысль о том, что корень зла — нравственные, духовные болезни. И шли бесконечные философские и религиозные диспуты и бесконечные идеологические и религиозные войны. А общества продолжали быть духовно больными.

Получается, что медики, психологи, социологи, экономисты, богословы, философы и т. д. и т. п. понимают слово «болезнь» по-разному. И каждый лечит свое.

А может быть, это синкретично-мудро-оптимистичное слово уже само по себе — универсальное лекарство и панацея от всех болезней? Надо только правильно его прочитать...

ВЕРА

Мы все знаем, что у Софии (Мудрости или Премудрости) было три дочери — Вера, Надежда и Любовь. Это — женские имена, имена святых мучениц и наименования трех главных христианских добродетелей.

Согласно легенде, три сестры-христианки были казнены во II веке н. э. по приказу императора-язычника Адриана. Старшей сестрой была Вера. Когда ее казнили, ей было всего 12 лет.

Такова легенда.

Вера — важнейшая христианская добродетель. Надо сказать, и не только христианская. Любая религия в конечном счете зиждется на вере. Но вера — это и в целом основа любой человеческой жизни вне зависимости от того, религиозен ли человек или нет.

И о том, что *вера* — это очень и очень важное слово языка (а может быть, и самое важное), говорит его значение.

Что такое *вера*? Толковые словари отвечают на этот вопрос так.

Во-первых, это готовность что-либо признать, поверить во что-либо. Иначе говоря — желание, предрасположенность, внутренняя потребность «подружиться» с миром.

Во-вторых, это твердая надежда на эту «дружбу».

В-третьих, это убежденность, уверенность, отсутствие сомнений в том, что это желание осуществится, то есть вера, близкая к религиозной или собственно религия.

Получается: 1) человек хочет верить, 2) человек на это надеется, 3) человек окончательно верит.

Перед нами словно бы три этапа «уверования» человека во что-либо, его внутреннего пути к вере, которая в конечном счете представляет собой не что иное, как своего рода договор человека с миром, с жизнью.

Мы часто говорим: «нужно во что-то верить». Это можно перевести так: «человеку нужна какая-то твердая связь, скрепа с миром, мостик, соединяющий человека с его жизнью».

Мы говорим: «нужно поверить в себя». Все правильно: человек должен быть в ладу, в гармонии с самим собой.

И не случайно прилагательное от существительного *вера* — *верный*, то есть надежный, преданный, правильный, истинный, стойкий, прочный, иначе говоря, исполненный веры и вызывающий веру, *доверие*.

Если задуматься, то *вера* — это и надежда, и любовь, и мудрость. Все эти слова, в свою очередь, включают в себя значения друг друга. Они — своего рода «глубинные синонимы».

Очень важно, что вера — не абстракция, не «взгляд и нечто», что легко можно в любой момент радикально поменять или «подкорректировать». К сожалению, в современном речевом обиходе, если говорить о светской, а не о церковной речи, данный корень стал более легковесным, он заметно «девальвировал».

В жаргоне появились всевозможные *верняки*. Стал активно тиражироваться уголовно-бандитский «слоган» *не верь, не бойся, не проси*. Еще в восьмидесятые годы американский президент Рональд Рейган на удивление всем советским людям произнес по-русски русскую же поговорку *доверяй, но проверяй* (trust, but verify). С тех пор ее постоянно вспоминают и проверяют. Пословица, конечно, правильная и точная, но отражающая лишь чисто прагматическую, если угодно — американскую, грань концепта веры.

На самом же деле — *веру переменить — не рубаху сменить*. Все значительно серьезнее.

В древнерусском языке слово *вера* имело, помимо других значений, одно чрезвычайно важное: присяга, клятва, обещание.

Вопрос наших предков *в чем твоя вера?* на нашем современном языке звучал бы примерно как *что ты обещаешь делать, присягу кому и на что ты принял, кому и в чем ты поклялся?*

Кстати, тот же корень у древних германцев означал правду, истину, дружбу, обещание, договор.

Вера — это прежде всего обещание действовать (*вера без дел мертва*).

Это активное, действенное, творческое значение корня *вера* лишь теплится в нашей повседневной речи. Даже сочетание *супружеская верность* воспринимается в наши дни как стилистически возвышенное, отчасти даже напыщенное. Вместо *хранить супружескую верность* современные люди предпочитают сказать *не изменять*. Какое уж тут *но я другому отдана, и буду век ему верна...*

Даже наречие *наверное* в значении «верно, точно, несомненно» почти ушло из нашей речи. И уступило место вводному слову *наверное* — «может быть, вероятно, возможно».

Мы уже не говорим: *я это наверное знаю*. Мы говорим: *это, наверное, так...*

Какую же *веру* мы выбираем? Которая *наверное вера* или *вера, наверное?*..

Давайте определяться.

ВЛАСТЬ

В русской речи XX — начала XXI века слово «власть» употребляется в подавляющем большинстве случаев в очень специфическом значении. Причем значения очень «лукавом», «мерцающем», «подмигивающем», можно сказать, мистико-конспирологическом.

Дело тут в следующем.

Если говорить самым общим образом, это слово имеет три значения: 1) право и возможность распоряжаться, подчинять («жена находится под властью мужа»); 2) политическое господство, органы государственного управления («потерять власть в стране»); 3) люди, которые наделены соответствующими полномочиями («власти Калмыкии»). Строго говоря, в третьем значении слово должно употребляться во множественном числе.

В наше время слово «власть» часто обозначает некую безликую стихийную силу, как правило, злую. Вместе с тем эта сила в различных контекстах упрямо олицетворяется: «Власти нет дела до народа», «Власть не хочет вступить в диалог с людьми» и т. п.

С одной стороны, считается, что люди, «попадающие во власть» (синоним — «обойма»), как бы перестают быть людьми, они становятся автоматами-«нелюдями», отформатированными гуманоидами, бездушными аппаратными деталями. С другой — СМИ постоянно показывают живых представителей власти, «вполне себе» человекоподобных, хотя и изрядно надоевших.

В советском XX веке «власть» в массовом сознании мыслилась идеологически как мощная стихийно-олицетворенная сила. «Положительная» или «отрицательная», но — сила. Все три значения слова выступали в резонирующем синтезе.

В XXI веке практически «отпало» первое значение, то есть у власти, в общем-то, нет «права и возможности» подчинять своей воле народ. По сути слово «власть» сейчас имеет то же значение, что и слово «тирания» у древних греков (по-гречески «тиран» — это не «нехороший», тоталитарный диктатор, а тот, кто пришел к власти незаконным путем, хитростью или силой «хапнул власть» и по своим духовным качествам абсолютно не достоин быть «властью»). Подтекст «тиран» «присоседилось» к слову «олигарх», одной из самых расхожих лексем современной русской речи.

«Власть» в русском языке сейчас — это примелькавшийся «клан шустрых тиранчиков-олигархов», связанных круговой порукой, ворующих, тянущих к власти своих родственников, но при этом — постоянно ссорящихся, скандалящих, обижающихся друг на друга и т. п. Все идет к сужению семантики слова до третьего значения, причем еще более специфического: это некий спектакль с участием лиц, облеченных властными полномочиями.

История слова «власть» в русском языке в значительной мере трагична.

Вообще-то слово восходит к общеиндоевропейскому корню, имевшему значение «сила», «сильный», «быть сильным». Однокоренные слова в разных индоевропейских языках могли означать храбрость, здоровье, героизм, обоснованность, вескость (ср., например, английские слова «valiant», «valid» и др.)

Русским словам «володеть», «волость» никак не меньше тысячи лет. «Волость» значило 1) власть, 2) право (возможность, воля), 3) государство и 4) страна (позже — часть страны, округ). Если попытаться дать синтетическое определение русского слова «волость», а затем церковнославянского «власть», то получится примерно так: «право государства на власть в стране» или «страна, имеющая право на государственную власть».

Сейчас компонент значения «страна» вообще растворился. (Сравните, к примеру, в чешском языке «vlast» — это родина, отечество, а «vlada» — правительство.) Но по большому счету это несправедливо. «Власть», «волость» — это и есть Родина, и «малая» и «большая».

Все реже в русском языке слово власть употребляется в значении право, возможность («под властью чувств», «Господи, твоя власть!» и т. п.). В данном случае в слове «власть» заложена очень мощная идея. Власть — это волевое, космическое начало (в противовес хаосу), подавляющее эмоциональную неразбериху, анархию, «бардак». Не случайно в Небесной Иерархии Дионисия Ареопагита Власти (наряду с Господствами и Силами) отвечают за управление чувствами человека. Происходит подмена идеи власти как исконно присущей человеку внутренней потребности к вселенскому порядку идеей власти как потребности «пролезть наверх» и «приобрести власть» («властолюбие»). А тут еще и Ницше со своей «волей к власти»!

С XIX века в русском языке, во многом из-за либерально-демократической риторики, слово «власть» («власти») становится фактическим антонимом слова «народ». Калька «народовластие» (от греческого «демократия») парадоксальным образом лишь усугубила эту оппозицию: народовластие как задача (ср. зафиксированный

неологизм «народодержавный») — это априори антоним существующей «власти». Власть — это что-то «плохое наверху», а народ — «хорошее внизу», и их конфликт неизбежен (ленинское «верхи не могут, низы не хотят»). Власть нужно «контролировать», необходима «ротация» власти и проч. То есть слово «уходит» в утилитарно-политическую, кадрово-управленческую зону.

Необходимо всячески избегать употребления этого слова в утилитарно-технологическом контексте. Нужна ротация не «власти», а «управленческого аппарата». Не надо говорить о «людях власти», «властных структурах» или утверждать, что «власть считает, что...». Пусть речь идет о руководителях, управленцах, начальниках, высокопоставленных лицах такого-то эшелона.

По всей видимости, стратегически очень верной была бы постановка вопроса о реанимации термина «волесть», возможно, в качестве обозначения административно-территориальной единицы или в качестве наименования некоего местного общественного органа самоуправления, вроде совета.

Вообще необходимо воздержаться от употребления слова «власть» в негативном контексте. Не надо «ругать власть» — не потому, что ее «управленцев» не за что ругать и критиковать, а потому, что это семантически бессмысленно и совершенно неконструктивно (это все равно что ругать землю, которая ни в чем не виновата, или критиковать желание любого нормального человека навести порядок). И кроме того: употребляя это слово в негативных или утилитарных контекстах, мы не добьемся ничего, кроме его дальнейшего выхолащивания.

ВОЙНА см. МИР и ВОЙНА

ВОЛЯ

В лингвокультурософии неоднократно и настойчиво поднимался вопрос о соотношении слов «свобода» и «воля» (эту проблему обсуждали Бердяев, Франк и др.). И всячески подчеркивалось, что «воля» является специфически русским концептом.

Этимологически слово «воля» достаточно прозрачно и имеет массу прекрасных аналогов в индоевропейских и, особенно, в славянских языках.

Практически все этимологи отмечают родство данного слова со словами «велеть» и «довлеть».

По сути, речь идет о некой «внутренней» и «внешней» императивности, об их гармоничном существовании.

«Воля» — это двухвекторная свобода: с одной стороны, человек-микрокосм «хочет» быть свободным перед внешним миром (так называемая внутренняя свобода), с другой — внешний макрокосм «разрешает» человеку-микрокосму осуществлять свою свободу (так называемая внешняя свобода).

В современных словарях концепт «воля» представлен расколотым на два омонима. При этом данный «раскол» представляется мне довольно искусственным.

Первый омоним имеет четыре значения:

- способность осуществлять желание,
- сознательное стремление к этому осуществлению,
- пожелание, требование,
- возможность распоряжаться, власть.

Второй омоним двухзначен. Это:

свобода проявления (в проявлении чего-либо),
свободное состояние в разомкнутом, свободном, вольном пространстве (не взаперти, не в тюрьме, не в лагере и т. п.).

Первый омоним говорит о том, что человек 1. способен, 2. хочет, 3. открыто выражает свое желание и в результате 4. потенциально властен над миром.

«Я могу, хочу, требую и добиваюсь этого».

Второй омоним говорит о том, что человек 1. проявляет свое желание «на деле» и 2. осуществляет желание в открытом пространстве макрокосма.

С точки зрения русской доктрины, эти омонимы необходимо объединить в многозначное синкретическое единство: человек может («сила воли»), хочет («воля к победе»), артикулирует желание («последняя воля»), тем самым становясь потенциальным победителем («это в его воле»), поступает согласно своему желанию («взял волю делать что-либо») и достигает размыкания макрокосма («выпустить на волю»).

Мы видим полный цикл взаимодействия микрокосма и макрокосма, а также, что особенно важно, — взаимодействия мезокосма («народ») и макрокосма («народная воля», «воля народа»).

ВРАГ

Слово «враг» заимствовано в русский язык из церковнославянского. Исконно же, по-древнерусски, оно звучит как «ворог».

Ясно, что слово «враг» — антоним слова «друг» (враг — это «не́друг»). И если корень «друг» и все его производные несут в себе идею объединения, взаимности, сплочения, добра и любви, то «враг» — это разъединение, ненависть и весь спектр отрицательных значений.

Первоначально слово «враг» («ворог»), по сути дела, было антонимом слова «Бог». Потому что враг — это прежде всего черт, дьявол, сатана, «нечистый». Враг — это Антибог, богоборец и все, что он несет с собой.

Этот корень есть во многих индоевропейских языках, и значения у него самые разнообразные: *черт, дьявол, нужда, злой, беда, гнать, преследовать, раб, теснить, болезненный, чахнуть, убийца, проклинать* и множество других. Если собрать их, получится впечатляющий перечень всего плохого, что может произойти с отдельным человеком, с людьми, с миром в целом.

Но если попытаться проникнуть в, так сказать, этимологическое основание этого слова, то мы увидим, что, как ни странно, оно совсем даже не безоговорочно отрицательное. В ряде языков этот корень связан с идеей *любви и работы*.

Сейчас в нашем так называемом объединенном сознании мы не вкладываем в слова «любовь» и «работа» какого-то особенного глубинно-семантического смысла. Ну, полюбил, разлюбил, пошел на работу, пришел с работы... Наши древние предки, в отличие от нас, понимали работу и любовь именно магически.

Идея любви (в язычестве, конечно, а не в христианстве) напрямую связана с идеей колдовства. По-русски «любить-колдовать» — значит «ворожить», то есть «очаровывать», «наводить чары». Получается, что враг (ворог) — тот, кто «чарует», «завораживает», то есть колдует. Уже потом, в христианскую эпоху, «ворог» стал у русских чертом, дьяволом, то есть, в общем-то, «нехорошим язычником».

Колдовать можно и по-злomu, и по-доброму. Например, у словенцев ворожить — это вредить колдовством, наводить порчу. У поляков же — предвещать, бро-

сать жребий (бросать жребий — это тоже отчасти колдовать, то есть полагаться на высшие силы, на судьбу, провидение). Вполне нейтральное значение.

Вместе с тем у немцев или греков этот корень связан с идеей работы, труда, делания. А что такое работать опять же с точки зрения древней магии? Работать — значит производить некие культовые действия. Ведь, к примеру, пахать для крестьянина — это не просто пахать. Это — вступать в магическую связь с Духом Земли. Но и черт тоже работает, вредя людям.

Мы видим, что корень «враг», если взглянуть в него повнимательней, далеко не столь одномерен. Он — «мостик» между добром и злом, любовью и ненавистью. И далеко не только. Есть и более узкие, локальные, бытовые смыслы. Например, в диалектах русского языка этот корень может быть связан с идеей болезни («вражеское» — тяжелая болезнь, так называемая падучая) и с идеей лечения («вражский» — знахарь).

Странно, но в исконной этимологии этого вроде бы резко отрицательно окрашенного слова издревле заложена та идея, которую мы сейчас так активно обсуждаем, — идея терпимости, толерантности. Если угодно, идея христианской любви ко всем, даже, и это особенно важно, к врагам.

История человечества, конечно, жестока. И XX век особенно ожесточил людей. Кто-то был, как в характеристиках нацистов из «Семнадцати мгновений весны», «беспощаден к врагам рейха», кто-то, а именно «великий пролетарский писатель», «буревестник революции» Максим Горький, призывал: «Если враг не сдается, его уничтожают». Досталось и «врагам демократии», и «неверным» врагам.

Казалось бы: все просто: мир делится на «друзей» и «врагов».

Но выясняется, что все гораздо сложнее и вместе с тем все-таки радостнее и более обнадеживающе.

Помните эпиграф к роману М. Булгакова «Мастер и Маргарита» из «Фауста» Гёте? «Я часть той силы, — говорит Дьявол Мефистофелю, — что вечно хочет зла и вечно совершает благо».

А ведь это говорит не кто иной, как Враг. Это словно бы говорит само слово.